

«Мне отмщение и аз воздам».

Я вернулся домой. Не так я себе представлял нашу встречу.

Никогда не забуду эти страшные черные глаза! Мне хотелось убежать от этого взгляда, но парализующий страх поселился в моем теле. От них некуда было спрятаться, они с детства наблюдали за мной.

В пять лет отец учил меня плавать. Мы тогда отдыхали под Одессой. Рано утром вышли на лодке в море, доплыли до каменной косы, там бросили якорь и разложили удочки. В лодке я сидел на скамейке рядом с отцом. Он сгрел меня в охапку и бросил в воду подальше. Затем наблюдал за мной. Судорожно вдыхая воздух вперемешку с водой, я плыл к лодке. Его лицо было искажено солеными каплями. Я отражался в его черных непроницаемых очках. Когда я подплыл, он за руку с силой выдернул меня из воды. Я вскрикнул, рука после этого долго болела.

– Я хочу, чтобы он стал настоящим мужиком, а не нытиком, – объяснял он матери.

В то лето я научился неплохо плавать, но стал бояться воды – начинал задыхаться. По ночам мне снились черные очки и я, барахтающийся в каждом из пластиковых стекол. Я поджимал колени к подбородку и так засыпал.

Однажды, когда мы на мопеде возвращались с рыбалки, я, как тюк, свалился с заднего сиденья –

подскочили на кочке. Отец не заметил, что потерял меня. Я лежал на дороге и смотрел на облако пыли до тех пор, пока мопед не исчез вдаль.

Когда он вернулся за мной, я уже дошел до развилки, ведущей к нашей даче. Мне пришлось долго ковылять по пустынной дороге: я ушиб левое колено, моя левая рука опухла и сильно болела. Мне было восемь лет, и я был очень одинок.

– Что ты разнюнился, щенок? – Страшные черные глаза глянули на меня так, что всхлипы застряли в горле.

После этого я никогда не плакал. Рука оказалась сломана – она долго и плохо срасталась. Отец долго не верил, что рука болит, считал, что я притворяюсь, чтобы меня пожалели.

Страшный взгляд черных глаз – с тех пор я часто видел эти глаза по ночам. Тогда я кричал и просыпался от ужаса.

Отец был известным хирургом, его часто не было дома, он работал сутками в нескольких больницах и стационарах города. Я записался в кружок игры на гитаре в Доме пионеров. Когда отец узнал об этом, он сказал матери:

– Я не позволю, чтобы мой сын стал музыкантом. Он будет врачом, пойдет по моим стопам.

– Петр, но он такой музыкальный, талантливый... у него абсолютный слух. – Мама пыталась убедить отца.

– Не порть мне сына. Музыкант – это не профессия. Ему нужна настоящая мужская специальность. Я решил! Он будет поступать в медицинский.

Мать дала денег на гитару, остальные я сэконо-
мил на школьных обедах. Приходилось прятать
ее под кроватью и играть, пока отца не было дома.
Мама всегда поддерживала меня, она считала, что
музыка – это мое призвание. Она часто пела, когда
отец был на работе и мы оставались с ней вдво-
ем. Она же, когда я был маленьким, обнаружила, что
я синестетик, то есть вижу музыку в цвете, как
Скрябин или Сибелиус.

– Со-о-оль, – пела мама, и нота звенела в полу-
темной комнате.

– Нота соль золотистая, как солнце. – Я любил иг-
рать с нотами.

– А эта? Ре-е-е. – Звуки разлились синими волнами.

– А ре – море, поэтому она синяя, как море.

– Удивительно! Почему они цветные? Ты их правда
видишь... эти звуки?

– Мама, это же очень просто. У каждого звука есть
свой цвет, и когда играет музыка, я вижу картин-
ки и кино.

Когда я подрост, я научился настраивать гита-
ру, натягивать струны, подпиливать лады и менять
колки. Я играл часами, как только выдавалась воз-
можность. Музыка стала моей вселенной.

Зная, что в понедельник отец задерживается на
работе допоздна, я бежал из школы домой, пред-
вкушая, как я подготовлю гитару и проиграю вы-
ученную на прошлой неделе композицию. Все вы-
ходные я с нетерпением ждал этого момента. Из
серванта достал спирт и ватные тампоны, которые
отец таскал из больницы; не спеша поменял и по-
чистил струны. Композицию «Кашмир» группы «Лед
Зеппелин» я услышал у ребят из гитарного кружка,
и мы выучили ее вместе с преподавателем. И вот
я погрузился в мелодию, не замечая лопнувшие на
пальцах мозоли и окровавленные ладони. Музы-
ка унесла меня: жар бесконечной дороги, движе-
ние каравана по песчаным барханам экзотической
страны.

Я не заметил, когда неожиданно рано вернулся
с работы отец. В тот день на операционном столе
умер его пациент. Я очнулся, когда отец в ярости
ворвался в комнату, выхватил из моих рук гитару
и, схватив со стола кусачки, перекусил струны.
От каждой порванной струны гитара вскрикивала,
словно живое существо. Она страдала от боли и не-
справедливости.

– Не смей... отдай. – Я вскочил со стула, бросился
к нему и крикнул в темноту страшных глаз.

Он замахнулся на меня гитарой с оборванными
струнами.

– Ты...ты... вор и бездельник! Ты никогда не станешь
музыкантом! Я так сказал! – бушевал отец.

– Ты можешь убить меня, но не смей унижать. –
Я подставил ему голову под удар и, глядя в его
глаза, прошептал: – Бей.

Он судорожно вздохнул, будто захлебнулся гне-
вом, бросил гитару на пол и молча вышел из комна-
ты, хлопнув дверью в задрожавшие от боли стены.

Я стремился убежать от этих глаз, пугающих
чернотой и выворачивающих наизнанку. После
окончания школы ушел из дома, устроился рабо-
тать на завод, а осенью меня уже призвали в армию.
Я не дослужил до окончания срока, меня забрали
домой – долго везли по песчаным барханам беско-
нечной дороги.

Когда я вернулся, отец стоял у закрытого гро-
ба в большом актовом зале школы, где я учился. Он
держал руку на крышке, у изголовья. Вокруг гроба
и на рояле стояли и лежали венки и цветы – море
цветов. В зале было много народа: мама в черном,
мой учителя, военком, какие-то незнакомые мне
люди.

Не так я представлял себе нашу встречу. Я про-
шел между людьми и остановился напротив отца.
Страха не было – черные глаза больше не пугали
меня. Я всматривался в потемневшее от горя лицо
и не узнавал его. Он стоял над гробом: седой, сгорб-
ленный старик. Прямо на меня смотрели его серые,
затуманенные тоской глаза. Мне показалось, что он
меня увидел. Первый раз в жизни я не испугался,
а почувствовал тепло его руки на моей стриженной
голове.

Я обнял его за плечи, внутри него все клокотало.
– Здравствуй, отец! Я вернулся!

Мне показалось, что он меня услышал.

